

СОВРЕМЕННАЯ КОММУНИКАЦИОННО-ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА И ПРОЦЕСС ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В данной работе рассмотрены необходимости мировой коммуникационной и информационной инфраструктуры для развития государства, а также были сделаны выводы. Процесс глобализации заметно увеличил масштабы интенсивности таких явлений как культурный империализм, придающий безвозвратный характер пространственному империализму. Рассмотрев процесс глобализации в ценностной плоскости, то можно заметить в нем заложен высокий потенциал данного процесса.

В процессе глобализации мы видим смену идентичности, она не только болезненна, но и приводит к опасности, поскольку она влечет за собой ценностную деструкцию, и даже их утрату. Такой разрыв с традиционной локальной идентичностью, ведет к быстрому созданию культурных образцов идентичности, приемлемых далеко не для всех.

Ключевые слова: процесс глобализации, империализм, коммуникационная и информационная инфраструктура.

MODERN COMMUNICATION AND INFORMATION SYSTEM AND PROCESS OF GLOBALIZATION

This paper discusses the need for global communication and information infrastructure for the development of the state as well as the conclusions was drawn. The globalization process has significantly increased the scale of intensity of such phenomena as the cultural imperialism giving irrevocable nature of spatial imperialism. Consider the process of globalization in the plane of values; we can see it laid the high potential of the process.

In the process of globalization, we see a change of identity; it is not only painful but also leads to the danger because it entails destruction's value, and even their loss. Such a break with traditional local identity leads to the rapid creation of the cultural identity of the samples is not suitable for everyone.

Keywords: globalization, imperialism, communication and information infrastructure.

Мировая коммуникационная и информационная инфраструктура развивается столько беспрецедентно быстрыми темпами, а услуги, предоставляемые через нее, настолько выгодны, удобны, привлекательны и в конечном счете необходимы для государств и граждан, что многие этнические и национальные культуры не могут оказывать реального противодействия внешнему разрушающему воздействию. Если угодно будет использовать язык метафор, то можно сказать, что современные коммуникационные и информационные системы подобно кровеносным сосудам, по которым перемещается кровь формируемой в настоящее время мировой культуры; но, попадая в локальные культуры, такая кровь, продолжая поддерживать жизнь в них, преобразовывает эти культуры, настойчиво вытесняя из них ту, которая была ранее, и изменяя идентичность носителей трансформируемой культуры.

Как отмечал в свое время небезызвестный Э. Шеварднадзе, в условиях окончания холодной войны и биполярного мира все чаще возникают нетрадиционные формы агрессии и конфликтов, в которых агрессивной стороной выступают не всегда «сильные» и «большие», а, наоборот, раз разрушительные процессы зачастую инспирируются агрессивностью меньшинств, при этом «сила слабых» проявляется в их способности шантажировать крупные государства и международные организации, навязывать им собственные «правила игры». «Под священными знаменами

национальной не зависимости и права наций на самоопределение захватываются и применяются средства массового поражения, станавливаются этнодиктатуры, уничтожающие или изгоняющие затем “враждебный этнос”, чья собственность присваивается и перераспределяется»¹.

С. Хантингтон еще в 90-е годы предупреждал о том, что попытки Запада, фактически инициировавшем глобализационный процесс, усилить свое господство в ходе глобализации, будут вызывать сопротивление со стороны самых различных сил, что может привести к столкновению цивилизаций. «Я полагаю, – писал С. Хантингтон, – что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям»².

Независимо от того, был прав С. Хантингтон или нет, очевидно, что глобализация с неизбежностью ведет к укрупнению субъектов международного взаимодействия, что обусловлено в первую очередь тем, что можно определить как эффект сжатия пространства вследствие значительного развития коммуникационной инфраструктуры. Правда, ее уровень в настоящее время позволяет существенно увеличивать только региональную систему связей. Так, согласно данным, которые приводит С. Хантингтон, «доля внутри регионального торгового оборота возросла за периоде 1980 по 1989 г. с 51 до 59% в Европе, с 33 до 37% в Юго-Восточной Азии, и с 32 до 36% – в Северной Америке»³.

Однако в современном мире не все народы и государства по тем или иным причинам обнаруживают желание или способность к интеграции в те или иные системы. Мы имеем в виду не только так называемые страны-изгои, а в первую очередь государства – а таких государств достаточно много – с низким уровнем развития экономики и незначительными природными ресурсами, которые, как правило, с трудом интегрируются в более крупные системы, если вообще интегрируются. Разумеется, такое положение вещей создает весьма благоприятную почву для националистических настроений в обществе и политики. Вовлечение же национальных государств в глобальную экономику, минуя региональную стадию интеграции, часто порождает такое явление, как ослабление, сужение и девальвация суверенитета. Государства со слабыми экономиками не имеют в своем распоряжении средств, достаточных для того, чтобы проводить свою политику без учета ситуации на мировом финансовом рынке. Особенно если брать во внимание то, что стоимость сделок, совершаемых на этом рынке за один день, многократно превышает годовой бюджет любого такого государства и теoretически биржевые спекулянты могут обрушить курс той или иной национальной валюты в течение нескольких часов. Не говоря уже о том, что доминирующие государства через систему кредитов в той или иной мере контролируют экономику и политику государств-задолжников. Само собой разумеется, осознавать себя зависимым очень неприятно. Однако усматривать в желании государств-доноров – а таковыми являются экономически развитые государства – осуществлять контроль над другими государствами нечто безнравственное и противоестественное, пожалуй, наивно. Они строго следуют императиву защиты своих национальных интересов, а возможностей у них для этого значительно больше, чем у кого-либо. Для того, чтобы иметь достоверное представление об этих возможностях, приведем красноречивые данные. Так, по данным на 2005 г., мировой валовой продукт в текущих ценах и по текущим валютным курсам составлял около 33 трлн. долл., из которых около 11 трлн. долл. приходилось на США, приблизительно столько же – на развитые государства Европы, остаток же МВП – на всех остальных⁴. В настоящее время ситуация заметно изменилась за счет бурного роста экономик Китая, Индии, России и Бразилии. Однако она не претерпела каких-либо изменений для остальных

¹ Независимая газета. – 1995. – 10 марта.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис, 1994. – №1. – С. 33.

³ Там же. – С. 40.

⁴ См.: Россия в современной политике: Курс лекций / Под ред. В.А. Никонова. – М., 2005. – С. 73.

государств. Все развитые страны входят в группу, получившей название Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), на долю которых приходится около 80% мирового валового продукта и пропорциональная ей доля капиталов.

Ни для кого не секрет, что для подлинного национального суверенитета необходима развитая национальная экономика, но при отсутствии в стране свободных капиталов государство в той мере, в какой заинтересовано оно в развитии своей экономики, оно заинтересовано в иностранных капиталовложениях. А это в реальной жизни означает, что государство вынуждено брать курс на создание «благоприятного инвестиционного климата», что на деле за редким исключением плохо согласуется с курсом на подлинный суверенитет, поскольку государство просто втягивают в долги. В данной связи А.И. Уткин приводит весьма показательные данные. «Рынок лишь капиталов (а не товаров) является подлинно глобальным, – пишет он, – капитал без всяких препятствий мигрирует между развитыми странами – странами ОЭСР – и за их пределами. Среди стран ОЭСР экспорт растет вдвое быстрее, чем в соседних странах. Доля экспорта в 1960 г. составляла в ВВП этих стран в среднем 9,5%, а к концу столетия – 20%. ... глобализация вовсе не означает повсеместное расширение торговли. К примеру, доля демократически развивающихся стран упала в общем американском импорте с 53,4% в 1989 г. до 34,9% в 1998 г. В этом потоке доля промышленных товаров уменьшилась за указанный период на 21,6%»⁵.

Независимо от того, что думают по этому поводу сторонники и противники процесса глобализации, на деле с увеличением глобальной взаимозависимости государств и народов претерпевает девальвацию как экономической, так и политической суверенитет, и принципиальным здесь становится не только сам факт девальвации суверенитета, но и то, что разные субъекты в разной мере затрагиваются этим процессом. Нетрудно понять, что, к примеру, Кыргызстан и Китай обладают разной степенью реального политического и экономического суверенитета.

Наиболее рьяными и последовательными врагами глобализации в слаборазвитых государствах являются националисты, которые более всего опасаются потери национального суверенитета. В данной связи следует иметь в виду, что культурные и этнонационалистические цели требуют формирования и поддержания сильного и четко функционирующего государственного механизма. Националисты, как правило, видят в процессе глобализации серьезного противника традиционных и религиозных ценностей, на основе которых выстраиваются и семейные ценности. И необходимо признать, что в этом есть определенная доля истины. Однако проводить политику изоляционизма, способную хоть каким-то образом оградить общество от негативного влияния глобализации, и ущербно, и очень трудно. Помимо того, что такая политика приводит к нарушению прав человека, это очень дорогостоящее мероприятие, поскольку в этом случае необходимо будет отказываться от многих благ современной культуры и внешних вливаний в экономику государства. Таким образом, глобализация объективно способствует тому, что безусловная приверженность императиву национализма, заключающемуся в безоговорочном признании приоритета принципа нации во всех областях общественной и государственной жизни, превращается в весьма дорогостоящее мероприятие, реализацию которого может позволить себе только богатые государства без того, чтобы не наносить серьезный ущерб благосостоянию населению страны. Как показывает исторический опыт, политика национального строительства, нацеленная на формирование однородного культурного пространства и сообщества, и ранее оказывалась не только слишком дорогостоящим предприятием, но и в редких случаях приносила желаемый результат. В эпоху же глобализации такая задача становится вообще практически невозможной, даже для чрезвычайно богатых государств, которые вынуждены для поддержания высоких жизненных стандартов скупать иностранные товары и использовать те или иные иностранные услуги, но вследствие этого неизбежно нарушается однородность вышеупомянутого культурного пространства. Характерно, что именно наиболее экономически развитые государства как институт утрачивают роль над самоидентификацией индивидов, составляющих население данных

⁵ Уткин А.И. Главный процесс эпохи. // США: экономика, политика, культура, 2000. – №1. – С. 44. *Известия ОмГУ, 2010 №1*

государств. Нация в таких государствах постепенно, но настойчиво и неуклонно перестает быть тем идеальным «воображаемым сообществом», членство в котором считается единственно возможным для индивида и воспринимается им как нечто обязательное для его индивидуальной идентичности. В пользу данного утверждения говорят данные опроса, в котором на вопрос о готовности защищать государство с оружием в руках в случае угрозы национальной безопасности отрицательный ответ дали 41 % немцев, 46% французов, 46% японцев, 49% бельгийцев и 54 % итальянцев⁶. Отметим попутно, что едва ли такие показатели патриотизма (который в чем-то родственен национализму), даже если они относятся к другим народам и государствам, могут внушить уважение и оптимизм. Скорее, они действуют удручающе, поскольку указывают на то, что ожидает другие государства и народы, идущими по пути пресловутого технического прогресса, который вовсе не тождествен культурному прогрессу, ибо, как указывал А. Вебер, в культуре «как сфере духовного абсолютного прогресса быть не может»⁷.

Одним из ярких противоречий глобализации является то, что она ведет как к стиранию различий, проявляющегося в культурной унификации, так и к возникновению новых, причем последнее происходит в двух формах: в виде форсирования субкультурных особенностей и придания жизненно-стилевым характеристикам групп статуса фундаментальных различий «культур»; и в виде углубления реально существующих национальных различий, связанных с религиозной принадлежностью. Из сообществ, идентичность которых основывается, помимо прочего, на религиозной принадлежности, наиболее мощными на настоящий момент являются сообщества, состоящие из приверженцев ислама, хотя он и не является однородным, состоя из большого количества течений и группировок с различными политическими и религиозными взглядами⁸. Но, как бы сильно они не разнились между собой, одной из важных общих черт для всех них является то, что все они в той или иной мере приверженцами традиционных форм жизни, которые в современную эпоху глобализации являются весьма благоприятной почвой для националистических чувств, настроений и политики. Неслучайно, что в настоящее время именно исламские государства и сообщества обнаруживают наибольшую склонность к изоляционизму по сравнению с другими государствами и сообществами.

Итак, на основе вышеназванно приведенных завершим следующими выводами

1. Процесс глобализации значительно увеличил масштабы и интенсивность такого явления, как культурный империализм, который на деле должен завершить, придать безвозвратный характер пространственному империализму. Данная разновидность империализма объективно направлена на устранение культурных различий, а вместе с ними и подавляющего большинства этно-национальных идентичностей, существующих сегодня на планете. Культурный и информационный империализм осуществляется на фоне бурного развития и интеграции мировой экономики, являющейся основой для формирующегося в настоящее время новой формы мирового сообщества.

2. Глобализация представляет собой многомерный, сложный диалектический процесс, сложность которого обусловлена тем, что многие культурные особенности одних народов не только несхожи с теми, которыми располагают другие народы, но находятся в состоянии конфронтации, противоречия. И с особой силой и выразительностью это проявляется в системе ценностей. С утратой ценностей люди теряют свою культурную индивидуальность, специфику. Если рассматривать процесс глобализации в ценностной плоскости, то в нем изначально заложен высокий конфликтный потенциал, поскольку по ходу данного процесса большинству общностей, втянутых в культурную глобализацию, приходится пересматривать, а нередко и отказываться от некоторых традиционных принципов и ценностей исконной культуры.

⁶ См.: Доган М. Падение традиционных ценностей в Западной Европе: религия, государство-нация, власть // Мировая экономика и международные отношения, 1999. – № 12. – С. 23–30.

⁷ Вебер А. К вопросу о социологии государства и культуры // Культурологии. XX век: Антология. – М., 1995. – С. 520.

⁸ См., например: Малащенко А. Исламское возрождение в современной России. – М., 1998.

3. Процесс глобализации способствует смене идентичности, и данная смена не только болезненна, но и опасна, поскольку она влечет за собой ценностную деструкцию, рассогласование ценностей и даже их утрату, а также попытку конструирования искусственной идентичности. Быстрый разрыв с традиционной локальной идентичностью в отсутствии культурного образца, приемлемого для человечества в целом, ведет к созданию культурных образцов идентичности, приемлемых далеко не для всех. Глобализация ведет как к стиранию различий, проявляющегося в культурной унификации, так и к возникновению новых, причем последнее происходит в двух формах: в виде форсирования субкультурных особенностей и придания жизненно-стилевым характеристикам групп статуса фундаментальных различий «культур»; и в виде углубления реально существующих национальных различий, связанных с религиозной принадлежностью. Такое положение вещей создает весьма благоприятную почву для националистических настроений в обществе и политики.